

Автономная некоммерческая организация
**Институт русско-славянских исследований
имени Николая Яковлевича Данилевского**

Статьи ИРСИ/Аналитика ТГ-канала "Россия – не Европа"   Экспертный клуб Николая Данилевского   Конференции ▾   Труды ИРСИ ▾   Современны
СМИ о нас   Издания ИРСИ им. Данилевского ▾   Русская мысль Новейшей истории России ▾   Дело соборное   Все материалы   Интернет-ма
созидатель"   Открытые обращения ИРСИ Данилевского   Контакты

Главная > Современные мыслители > Аксючиц Виктор >

Аксючиц Виктор   Доклады конференций   Современные мыслители

Аксючиц В. В.

Славянофилы и Н. Я. Данилевский: прорыв русского национального сознания

🗨 0

Аксючиц В.В.

философ, общественный деятель
(г. Москва, Россия)

**Славянофилы и Н.Я. Данилевский:
прорыв русского национального сознания**

В статье рассматривается феномен славянофильства как процесс духовного подвига русской патриотической интеллигенции, раскрываются точки соприкосновения и различия взглядов славянофилов и идей Н.Я. Данилевского, сильные и слабые стороны их воззрений. Отмечается, что учение Н.Я. Данилевского о цивилизациях имеет в науке характер мирового открытия.

Aksiuchits V.V.

**Slavophiles and N.Ya. Danilevsky:
russian national consciousness' breakthrough**

The article examines the phenomenon of Slavophilism as spiritual exploit of the Russian patriotic intellegentzia, reveals points of coincidence and differences between the views of the Slavophiles and N.Ya. Danilevsky's ideas, as well as strong and weak sides of their views. It is noted that N.Ya. Danilevsky's teaching about civilizations is an epochmaking scientific discovery.

В XIX веке начиная с А.С. Пушкина образованный слой в России обращается к национальным культурным и религиозным традициям. Творчество русских мыслителей пробивается через вненациональную светскую культуру и обретает национальный язык, индивидуальную тональность, оригинальный образ и собственные темы.

Славянофилы – патриоты – были европейски образованными людьми. Но в отличие от западников славянофилы не разделяли иллюзию "русского Запада" (восхваление Европы и некритическое заимствование "задов" и пороков европейской культуры), что позволяло реально оценивать состояние западноевропейской цивилизации. Вместе с тем, славянофилы усвоили лучшее в Европе: историзм – понимание общественного развития как органического процесса, уважение к прошлому; признание рационального в жизни; возрождение национального самосознания; открытие иррациональной природы в индивидуальности – человеческой и национальной. Они не поработились западным опытом, а творчески его переработали.

Величие **духовного подвига** славянофилов в том, что они сумели не поработиться тотальным европеизмом образованных слоёв России, а первыми в образованном обществе вырвались из сословных предрассудков и непредвзято взглянули на свой народ. *"Славянофильство первое выразило в сознании тысячелетний уклад русской жизни, русской души, русской истории"* (Н.А. Бердяев). Через славянофилов образованное общество открыло утраченные богатства русской культуры и национального характера. У славянофилов чувство вины и покаяния по отношению к простонародью впервые выразилось в здоровых формах. Славянофилы в истории искали не золотой век, а русскую идею – идеал будущего России. И о современности они судили не с точки зрения ветхой старины, а через русский идеал. Это была первая сознательная попытка сформулировать **историческую**

миссию России. Идеал **народаметаисторичен** – вне истории, но движет историю. Он формулирует историческое назначение миссию, к которому предназначен народ от вечности. Абсолютные нормы истины, добра, красоты должны явиться в конкретных исторических формах. Славянофилы открыли, что идеал русского народа есть Православие. В их лице сознание образованного общества коснулось русского духа, культуры, истории. *“Если идти в глубь веков искать мистической подпочвы славянофильства, то мы дойдём до мистики восточноправославной, положенной в основание всей христианской культуры Востока, до Добротолубия, до умного делания и умной молитвы”* (Н.А. Бердяев). В обретении своего исторического пути (по выражению прот. Георгия Флоровского: *“Вперёд к отцам”* к святоотеческому наследию) Россия призвана вернуться к Православию, воссоздать христианские формы жизни, свидетельствовать человечеству о соборном братстве и единении народов.

Славянофилы переоткрыли для себя и для общества старинную русскую мысль о религиозности русской культуры и русской мысли. *“На вопрос о том, где Церковь, славянофилы ответили: “Церковь там, где люди, соединённые взаимною братскою любовью и свободным единомыслием, становятся достойнымместилищем единой благодати Божьей, которая и есть истинная сущность и жизненное начало Церкви, образующее её в единый духовный организм”* (Вл.С. Соловьёв). Славянофилы впервые сформулировали основные темы русской историософии: народность, самобытность России, неповторимость форм её общественного развития (община, артель), отношения русской и западноевропейской цивилизаций, Востока и Запада. Не создавая философских систем, они задали творческий импульс для зарождения самобытной русской философии.

Алексей Степанович Хомяков – талантливый богослов и философ – оказал большое влияние на своих друзей-славянофилов и на многих думающих людей в России. Хомяков – *“первый свободный русский богослов”* (Н.А. Бердяев). Юрий Самарин предложил назвать Хомякова учителем Церкви. В статье *“О старом и новом”* (1839 год) Хомяков сформулировал основные **положения славянофильства**. Он развивал идеи русского мессианства – богоизбранности русского народа: *“История призывает Россию стать вперёди всемирного просвещения, она даёт ей на это право за всесторонность и полноту её начал”*. Русский народ в своей вере и в образе жизни является носителем подлинно христианских истин. Русское Православие – религия творящего духа, гармонично сочетающая разум с верой как высшей формой познания, – противостоит власти естественной необходимости и господству логически-рассудочных начал Запада. Предназначение России, независимой от *“упаднической перекультурности”*, – освободить человечество от одностороннего и ложного развития, навязанного истории Западом. А.С. Хомяков говорил о *пустодушии европейского просвещения: “Отжили не формы, но начало духовное, не условия общества, но вера, в которой жили общество и люди... Внутреннее омертвление людей высказывается судорожным движением общественных организмов... О, грустно, грустно мне – ложится тьма густая на дальнем Западе, стране святых чудес”*. В поисках национальной самобытности русский народ обретёт универсальные истины, которые могут послужить другим народам и мировой цивилизации.

Иван Васильевич Киреевский, мировоззрение которого определилось святоотеческой литературой и русской православной традицией, любил европейскую культуру, много ездил по Европе, встречался с Гегелем и Шеллингом, издавал журнал *“Европеец”*. Поэтому суждения Киреевского о кризисе западной культуры отличаются знанием её: *“Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам... Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений... Логическая деятельность, отрешенная от всех других познавательных сил человека... Разрушительная рассудочность... Воздушные диалектические построения... при всём блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была существенного смысла... Западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако в каждую минуту жизни является как иной человек... Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равнозаконными состояниями человека... Вообще можно сказать, что центр духовного бытия ими не ищется... Богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлечённости – в православии оно сохранило внутреннюю целостность духа; там развитие сил разума – здесь стремление к внутреннему, живому”*.

Основная коллизия России и Европы по Киреевскому – противостояние органичного, целостного христианского мировоззрения и выхолащенного западного рационализма. Русский ум предназначен преодолеть рационалистическую односторонность европейского просвещения, возвращаясь к христианскому мировоззрению: *“Особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, – во всём объеме её общественного и частного быта”* (И.В. Киреевский). Расцвет русской православной культуры возможен на основе христианского универсализма, свойственного русскому Православию, при овладении достижениями современной цивилизации.

И.В. Киреевский считал, что *“корень образованности России живёт ещё в народе, и, что всего важнее, он живёт в его святой православной Церкви”*. Для воссоздания просвещённой русской культуры образованный класс, который предназначен *“вырабатывать мысленно общественное самосознание”*, должен *“наконец полнее убедиться в односторонности европейского просвещения”*. Нужно понять, что *“созидаемое донныне”* было *“из смешанных и большею частью чуждых материалов”*. Не только

осмысление западной образованности должно подчиняться “господствующему духу православно-христианского любомудрия”, но русское православие, считал Киреевский, призвано оздоровить все стороны жизни России: “Чем более будут проникаться духом православия государственность России и её правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство”.

Все славянофилы своей творческой энергией вносили разнообразный вклад в пробуждение русского национального сознания. **К.С. Аксаков** противопоставлял государственное (**государево**), которое призвано к “преимущественно делу военному... защите и охране жизни народа”, и общественное (**земское**) – духовно нравственную деятельность народа: “народу – сила мнения, Царю – сила власти”. Он считал, что русская государственность – монархия, основанная на строжайшей дисциплины и единоначалия, уравнивается независимостью совести и мысли в общественности: “Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть самостоятельна”. Гармония государства и земли была нарушена революцией Петра I, с которой государство подчинило дела земли, из служителя народа превратилось в его тирана. Отсюда в России “внутренние язвы”: раскол, крепостное состояние, взяточничество... Надо сказать, что это было первая адекватная (а потому и достаточно мужественная) оценка исторической роли Петра I в среде созданного им прозападного правящего и культурного сословия. К.С. Аксаков развивает концепцию славянофильства: “Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть самостоятельна”. Он резко критикует стремление отождествлять европейское с общечеловеческим, поэтому называет рабским заимствование в европейской одежде, языке, литературе. Он был поборником уникальности и богатства русского языка, призывал относиться к нему “без иностранных очков”, не писать русские грамматики по образцу европейских.

Критикуя западное миропонимание, К.С. Аксаков писал: “На Западе – душа убивается, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения – регламентом; даже благотворительность превращается в механическое дело... Запад потому и развил в себе законность, что чувствовал в себе недостаток правды”.

Ю.Ф. Самарин – наряду с большой общественной и государственной деятельностью, в своих записках поддерживал и развивал идеи славянофилов. Он писал о самобытном развитии России, в реформах выступал против ломки народного быта и преждевременного искажения его начал. Вместе с тем, он поддерживал положительные нововведения, даже и заимствованные в Европе. Он вёл успешную полемику с радикальными “охранителями”, отстаивая земское самоуправление, зачатки свободного печатного слова, нового суда, рассматривая их как условия поднятия народного духа, придания национального характера государственной и общественной жизни. Ю.Ф. Самарин был сторонником “народной монархии”, которая была наиболее ярко выражена в допетровскую эпоху.

Славянофилы осознавали исторический процесс адекватнее западников, что выразилось, в частности в формулировках нередко пророческих: “**Революция** есть не что иное, как **рационализм в действии**, иначе – формально правильный силлогизм, обращённый в стенобитное орудие против свободы живого быта. Первой предпосылкой служит всегда абстрактная догма, выведенная априорным путём – обобщением исторических явлений определённого рода. Вторая предпосылка заключает в себе подведение под эту догму данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой: действительность не сходится с догмой и потому осуждается на смерть. Заключение облекается в форму повеления и, в случае сопротивления, приводится в исполнение посредством винтовок и пушек или вил и топоров, что не меняет сущности операции, предпринимаемой над обществом” (Ю.Ф. Самарин).

Критика славянофилами западной цивилизации не отменяет того факта, что они были большими европейцами, чем русские западники, лучше понимали христианские основы европейской культуры.

Через славянофилов образованные слои знакомились с православной традицией исихазма. Воцерковляясь, славянофилы подвизались в Оптиной Пустыни, переживавшей в то время возрождение традиции учёного монашества. Учение о христианской соборности, о Церкви, о свободе и христианском персонализме, христианский универсализм, религиозное обоснование государственной власти – творческие достижения славянофилов были симптомами духовной революции. Формирование идеологии официальной народности – “Православие. Самодержавие. Народность” – не обошлось без влияния славянофилов. Конечно же, восприятие славянофильских идей в официальных кругах не могло обойтись без огрубения и доли искажения.

Большую роль сыграли славянофилы в формировании русской философии. Постепенно на рационалистическом языке русские мыслители формулируют вопросы, которые по духу, проблемам и смыслу близки патристике – учению отцов и учителей Церкви первых веков христианства: “У нас есть великая школа богословия, это наша обедня, открытая для всех” (Ф.М. Достоевский). В категориях Канта, Гегеля и Шеллинга пробивается оригинальное русское философствование и богословие славянофилов: “От Шеллинга и Германии к России и Православию – таков “царский путь” русской мысли” (Г.П. Федотов). В творчестве славянофилов русский философский ум впервые обратился к православному мирозерцанию – “к господствующему духу православно-христианского любомудрия” (И.В. Киреевский). Так была осознана необходимость воссоединения образованных сословий с национальным религиозным духом. Киреевский и Хомяков провозглашали конец отвлечённой философии и стремились к целостному мышлению, что свидетельствовало и об ослаблении влияния Гегеля и усилении влияния позднего Шеллинга.

Хомяков задолго до появления диалектического материализма предсказывал превращение идеалистического рационализма в материалистический рационализм: *“Самое отвлечённое из человеческих отвлечённостей – гегельянство – прямо хватилось за вещество и перешло в чистейший и грубейший материализм. Вещество будет субстратом, а затем система Гегеля сохранится, т.е. сохранится терминология, большая часть определений, мысленных переходов, логических приёмов и т.д.”*

В “Записках о всемирной истории” Хомяков набрасывает контуры русской историософии: история народа есть проявление в общественной жизни изначально присущей ему первичной идеи; каждый народ в своём развитии выражает ту или иную сторону Абсолюта; каждый народ обладает своей особой субстанцией, *“началом”*.

Славянофилы были не только выдающимися мыслителями, но, когда представилась возможность, участвовали в преобразованиях. Славянофилы всячески поддерживали отмену крепостного права, земскую реформу, свободу слова, гласность суда, реформы для развития промышленности. Они вносили в общество национально-государственную идею – государство, опирающееся на национально-культурные традиции, представили государственные задачи в национальном свете, который обосновывал путь реформ. Они видели значительно дальше других реформаторов, призывая к созыву Земских Соборов.

Самобытные и яркие, а, главное, соприродные национальному менталитету (как бы он не был искажён в правящих и культурных слоях) идеи славянофилов творчески отозвались в будущих поколениях. Сторонниками и последователями славянофилов были **Ф.И. Тютчев, В.И. Даль, Н.М. Языков, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев**. О величии служения славянофилов свидетельствует тот факт, что впервые пробуждённые ими историческая память и национальное сознание образованного общества определяет и современную жизнь: от *“партии, которую можно усадить на одном диване”* (министр внутренних дел граф Блудов) – к современной патриотической революции и массовому воцерковлению культурных слоёв.

Н.Я. Данилевский – в вопросе самобытности русского народа и русской культуры во многом последователь славянофилов. Д.А. Хомяков – строгий ревнитель славянофильства, признавал, что Н.Я. Данилевского *“не без основания причисляли”* к *“так называемому славянофильству”*. Вместе с тем, славянофилов правильнее было называть русофилами, ибо у них приоритетным был русский, а не славянский вопрос. Данилевского же можно характеризовать большим славянофилом, чем сами славянофилы, так как он был более чем кто-либо озабочен судьбой и миссией славянства. *“Быть может, со временем Н.Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи”* (Н.Н.Страхов). Он критиковал и слабые стороны, как он считал, славянофилов, особенно в их отношении к Западу. Н.Я. Данилевский развивал в стройную теорию положения славянофилов о своеобразии России, о враждебности Запада к России. Он видел, что *“настоящая глубокая опасность заключается именно с осуществлении идеала западников (“в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации”)*”. Н.Я. Данилевский, критикуя увлечения европейскими теориями, дал по этому поводу и оценку славянофилов, преувеличивая зависимость славянофильской мысли от германской философии: *“Само учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно также имело двойкий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и с большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянских начал, а также, видя успешную уже высказаться в течение долговременного развития, односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники”*.

После поворота образованных слоёв к русскому национальному самосознанию, который совершили славянофилы, Данилевский не только сформулировал в научной форме проблемы, поставленные славянофилами, но и впервые решал многие новые актуальнейшие вопросы. Мощный универсальный ум Н.Я. Данилевского, помимо многих трудов в научных областях (в частности, развенчание дарвинизм), анализирует всеобщую историю и историю славянских народов, на основе чего создаёт первую историософскую концепцию (в том числе и первую историософию России), на многие десятилетия опередившую эпохи. Углубляя славянофильское понятие *“народность”*, продолжая осмысливать вопросы, которые были актуальными для славянофилов, а также расширяя проблематику русской мысли о миссии России, Н.Я.Данилевский формулирует теорию *“культурно-исторических типов”*, *“самобытных цивилизаций”*, что позволило ему по новому увидеть и оценить многое из ранее известного. По сравнению с этими *“положительными деятелями в истории человечества”* выделяются *“отрицательные деятели человечества”* (*“временно появляющиеся феномены”* – гунны, монголы, турки) и *“этнографический материал”*. По новому формулируется вопрос об *“отношении народного к общечеловеческому”*. Вслед за К.С. Аксаковым он резко критикует амбиции европейцев (и их русских подражателей) отождествлять европейское с *“общечеловеческим”*, которого *“нет в действительности”*. Бессмысленно представление о том, что какая-либо народность способна явить собой это огромное многообразие. Отсюда следует, что *“общечеловеческой”* и

“всечеловеческой” цивилизации нет и быть не может. Эти категории, считает Данилевский, можно представить только в виде идеала совместного развития всего человечества в прошлом, настоящем и будущем.

Славянофилы достаточно романтически относились к Европе, мечтали, что Россия после восстановления своей самобытности, поможет своим европейским странам-сестрам духовно оздоровиться. Данилевский же пишет о “коварстве Европы”, о вековой агрессивности и эгоизме европейцев. Поэтому европейцы колонизировали, поработали или поголовно истребляли многие народы, оставшихся крестили огнем и мечом. Сегодня очень актуально звучит его вывод: “Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами”. Реальное же “всечеловеческое” состоит из “совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать”.

Народы различных культурных типов не могут обмениваться формами цивилизации. Поэтому если славяне не выработают самобытной цивилизации и не возвысятся “на ступень развитого культурно-исторического типа... то им ничего другого не останется, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал” для достижений других народов. Все культурно-исторические типы одинаково самобытны и из себя самих черпают содержание своей исторической жизни, но не все осуществляют это содержание с одинаковою полнотою и многосторонностью.

Надо сказать, что концепция Н.Я. Данилевского о **независимом** развитии различных цивилизаций – “культурно-исторических типов” – мало соответствует исторической действительности. Истории не известны такие “культурно-исторические типы”, которые исключительно для себя и из себя выработывали бы образовательные начала своей жизни и не обменивались бы своими культурными началами. Другое дело, что живительный культурно цивилизационный обмен возможен только на основе собственных культурных начал, а также при избегании рабского заимствования и защите от разрушительного навязывания извне.

Каждый культурно-исторический тип, по Данилевскому, развивается на одной из основ: деятельность религиозная, культурная, политическая, общественно-экономическая. Некоторые из исторических типов сосредотачивали свои силы на одной из этих сфер деятельности (так евреи – на религии, греки – на культуре в тесном смысле), другие – проявляли себя сразу в двух или трёх направлениях. После анализа всех культурно-исторических типов Данилевский приходит к выводу, что славянский тип будет развить все четыре сферы человеческой деятельности и будет “первым полным четырёхосновным культурно-историческим типом”.

Россия культурно-исторически, цивилизационно не принадлежит Европе, а является самобытным славянским государством. Вслед за славянофилами Данилевский критически оценивает некоторые реформы Петра I, с которого началась традиция “европейничанья” образованных слоёв, унижающих все национально русское. Достаточно высоко оценивая петровские государственные реформы, он считает, что радикальные “изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях” нанесли “величайший вред будущности России”, русская жизнь “была насильственно перевёрнута на иностранный лад”. Познакомившись с Европой, Петр влюбился в нее и захотел Россию сделать Европой. Видя плоды европейского дерева он, по словам Данилевского, сделал вывод о превосходстве самого растения над русским еще бесплодным ростком. Не приняв во внимание разность в возрасте, Петр захотел срубить его под самый корень и заменить другим. В итоге “европейничанье” как духовная болезнь, плен и рабство может окончательно “лишить историческую жизнь русского народа внутренней жиздательной силы... сделать бесполезным, излишним самое его существование”. Высшим российским сословиям “привыкшим презрительно смотреть на все русское”, надо избавиться от “затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем”.

Чтобы избавиться от этого духовного плена и рабства, необходим “тесный союз со всеми плененными и поработченными братьями... грозный опыт истории”, который Н.Я. Данилевский видит в разрешении “восточного вопроса”, который является “узлом и жизненным центром будущих судеб Славянства... Всё грозное значение России заключается в том, что она прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира”. На этом основании Данилевский формулирует историческую **миссию славянства**: “Для всякого славянина “после Бога и Его святой Церкви,- идея славянства должна быть высшею идеею... выше всякого земного блага”. Высшая цель всех славян: “духовно, народно и политически самобытное независимое славянство”. В конечном итоге из этого следует необходимость политического, то есть государственного единства славянских народов. Данилевский был убежден, что “единственно разумное... единственно возможное” решение “восточного вопроса” – это создание “всеславянского союза”, “всеславянской федерации” во главе с единственным независимым славянским государством – Россией, со столицей в Царьграде. Нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа Данилевский формулирует так: “Православие, Славянство и крестьянский надел”. Если же Россия не поймёт своего назначения, её неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного.

Славянофилы верили в мессианские задачи русского народа. Данилевский же, основываясь на своей теории “культурно-исторических типов”, отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной неагрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология

славян сложилась преимущественно под влиянием Православия. России предстоит сделать выбор: либо вместе с другими славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить своё культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для других цивилизаций.

В целом можно сказать, что позиция и методология Н.Я. Данилевского как выдающегося мыслителя и универсального учёного имела две стороны:

- универсальность воззрения и мощный аналитический ум;
- ограниченность натуралистическим измерением, без должного учёта духовной сущности человека, народов, цивилизаций, человечества.

В натуралистическом измерении человек ни в какой свой период не может явить “все моменты его развития”. Но в религиозном измерении душа человека являет “копилку вечности” – итог всех его земных путей, – прежде всего в вечности, но и в каждый момент земной жизни. В натуралистическом измерении никакая цивилизация не может явить общечеловечность. В религиозном измерении человечество соборно (единство многообразия) – происходит от Прародителей, сотворённых Богом. Поэтому человечество имеет единое назначение и общий итог. Также как невозможно в пределах мира сего постичь назначение и его исполнение каждой личности, так и назначение человечества непостижимо в этом мире. Поэтому Данилевский прав том, что попытки совершить и завершить это в мирском измерении – утопичны.

В итоге, создав уникальную метафизическую концепцию “культурно-исторических типов”, Н.Я. Данилевский поддался своего рода натуралистическому соблазну, навязывая собственные натуралистические же выводы из неё фактической истории. В итоге получился очередной **утопический** феномен. Насажение же утопии на “живую жизнь” – всегда разрушительно, а иногда катастрофично. По Данилевскому славяне делятся на русских, чехов, сербов, хорват, словенцев, словаков, болгар и поляков. Хотя славяне близки нам по крови (в отличие от западноевропейцев), иногда близки и по духу, в истории до Данилевского, при нём и после него невозможно определить момент, когда славянские народы были действительно объединены в едином “культурно-историческом типе”. Эти народы принадлежат к разным верованиям (православие, католицизм, протестантизм, ислам). Нередко их государства воевали друг с другом. При том, что Россия неоднократно выручала, а иногда и спасала братьев-славян, они практически всегда предавали (как и предадут донине) Россию и русских. Так после освобождения славян от турецкого владычества при Александре II впервые созданные Россией славянские государства на Берлинском Конгрессе предали Россию в пользу европейских интересов. **Утопия “всеславянского союза”, “всеславянской федерации”** во главе с Россией и со столицей в Царьграде была основным идеологическим обоснованием вступления России в Первую мировую войну. А **иллюзия** необходимости защиты славян-сербов, смертельно рискуя собственными жизненными интересами, – оказалась спусковым крючком всеевропейской бойни, приведшей Россию к гибели.

Синтезируя поиски славянофилов и Н.Я. Данилевского, можно сказать, что субъектом исторического действия является не славянский “культурный тип”, а русский народ, создавший огромную российскую государственность и сформировавший русскую православную цивилизацию. Таким образом, приоритетом исторического действия для нас является не славянский “культурно-исторический тип”, а реальный цивилизационный континент – русская православная цивилизация.

Труды Данилевского оказали большое влияние на развитие русской и мировой философской мысли и, в частности, на формирование взглядов О. Шпенглера и А. Тойнби. Главная заслуга Данилевского – его учение о цивилизациях, имеющее в науке характер мирового открытия.

✉ Подписаться ▼

Войти через

Оставьте первый комментарий!

B I U **[+]**

0 КОММЕНТАРИЕВ

